

КОНФЕРЕНЦИЯ: «МИР 2002: ВЫЗОВЫ И НАДЕЖДЫ».
Июнь 2002г., Юрмала, Латвия.

Никонов Вячеслав (Россия) – президент фонда «Политика»

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: РЕАЛИИ, ОПАСНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

«Россия в поисках места в мире XXI века»

Вот уже три месяца и 20 дней мы живем в XXI веке. Что принесет он в мировую политику, и чем это может обернуться для России? Это – век глобализации – превращения мира в большую деревню, где границы государств перехлестываются финансовыми и информационными потоками.

Глобализация, способствуя подъему национального самосознания во всех уголках планеты, приведет к увеличению числа самостоятельных государств. Если после Второй мировой войны на Земле насчитывалось около 50 стран, то сейчас их только в ООН около 190, а всего – больше 250. Через полвека их станет более 500. Принцип территориальной целостности будет отступать перед принципом права наций на самоопределение. Крупные многонациональные государства, включая Россию, столкнутся с растущей проблемой сепаратизма. А в ареале развитых стран национальные государства будут все больше утрачивать свой смысл, как теряют смысл границы в Западной Европе.

В экономической политике погоду уже определяют большие транснациональные корпорации. Сейчас дневной оборот денег на мировом финансовом рынке достигает 1.5 трлн. долл., что во много раз превышает годовой размер ВВП подавляющего большинства стран мира, в том числе и России. В XXI в. экономическая мощь транснациональных корпораций превысит возможности даже крупных государств.

С ростом крупного международного бизнеса, влиятельных неправительственных организаций – религиозных, экологических, благотворительных, правозащитных – государства фактически утрачивают монополию на реализацию властных функций и перестают быть вершителями судеб мира. Уже сейчас возможности влиять на мировые процессы у такой компании как «Майкрософт» или такой общественной организации как «Гринпис» больше, чем у доброй половины стран-членов ООН. Ослабнет способность государств по собственному разумению управлять обществом и решать внутренние проблемы, все больше вопросов будет выноситься на международный уровень.

Заметно возрастет значимость фактора компетентности государственного руководства. Последствия глобализации можно осилить только с помощью резкого повышения эффективности управления, укрепления финансовой, банковской системы и системы правосудия, чистоты правительства, преодоления коррупции. Конкурентоспособность страны все больше будет зависеть от того, насколько она способна обеспечить своих граждан – особенно интеллектуальный и политический класс – всей полнотой международной и внутренней информации. Именно в этом и заключается главный смысл информационной безопасности в современном государстве.

Радикально повысятся требования к политике в области образования. Вместо разговоров о «бедных странах» мы слышим о «странах с дефицитом интеллекта». Бедным государствам будет все труднее выдерживать соревнование в этой сфере, к тому же они в первую очередь испытают растущую проблему «утечки мозгов», что в перспективе приведет к возрастанию экономического и социального неравенства. Разрыв между богатыми и нищими странами будет только увеличиваться.

Большая информационная прозрачность мира, императивы рыночной конкурентоспособности ускорят распространение демократических ценностей, число формально демократических государств на планете возрастет. Но при этом будут созданы всеобъемлющие электронные базы данных о телеметрических параметрах, структуре ДНК, отпечатках пальцев, привычках и т.д. каждого живущего на планете. Тем самым резко возрастут возможности для вмешательства в личную жизнь и даже для глобального контроля за поведением на индивидуальном уровне. Это войдет в очевидное противоречие с рядом основополагающих демократических принципов и потребует дополнительных мер по защите сферы частной жизни.

Будет стираться грань между внутренней и внешней политикой. Политики, хотя бы они того или нет, куда более активно возьмутся за решение тех проблем, которые становятся общемировыми: изменение климата, озоновые дыры, наступление пустынь, выбросы углекислого газа, экология, международная преступность, эпидемии, неуправляемость мегаполисов или нарастание обособленности, отчуждения индивидуума от общества. Энергетическая, научно-техническая, транспортная политика будет все более превращаться из внутренних проблем в международные.

Возрастет значимость тех аспектов внешней политики, которые традиционно относили к «низкой дипломатии» (торговля, технологии, валютное регулирование) в ущерб «дипломатии высокой» (национальная безопасность, военные кризисы, саммиты).

Соответственно изменится и содержание политики безопасности. Увеличится роль проблем «мягкой безопасности», связанных с экономикой, финансами, бедностью, этническими конфликтами. Вопросы «жесткой», военной безопасности сохранят свою значимость, все больше перемещаясь для передовых государств из плоскости военного противостояния в сферу соревнования в области высоких технологий. В то же время, ускорившийся трансграничный переток «ноу-хау» и усиление хаотичности в международных отношениях способны усилить распространение оружия массового поражения, ракетных технологий, что, увы, уже приводит к настоящей гонке вооружений в развивающихся странах. Используя слова Иосифа Бродского, – «Марс перемещается ближе к пальмам».

Определяющее воздействие на ход мировых дел будут по-прежнему оказывать три центра силы – США, Европейский Союз, Япония, к которым постараются подтянуться Китай и Индия. В качестве еще одного центра, при благоприятном развитии событий, может выступить и Россия.

Три главных центра влияния в ближайшие десятилетия будут задавать тон в процессах региональной интеграции. Европа в рамках ЕС вступит в стадию постнационального государства. Количество государств – членов Европейского Союза в ближайшие 10 лет возрастет почти до 30, у них будут общие границы, валюта и, вероятно, Конституция. По схожему пути пойдет и Ассоциация свободной торговли стран Северной Америки (НАФТА), которая начнет активно расширяться в Латинскую Америку с шансами увеличить количество своих членов до 34 уже к 2010 г. В Восточной Азии интеграция будет идти медленнее и сопровождаться борьбой за лидерство между Японией и Китаем. Южная Азия и, особенно, Африка еще не скоро встанут на путь интеграции, там еще не завершился процесс создания многих национальных государств. Тяга к интеграции будет нарастать и в странах СНГ, но не обязательно – с Россией. Каким-то бывшим советским республикам более привлекательным покажется ЕС, каким-то – азиатские центры притяжения.

Грядущие десятилетия обещают острые споры о создании системы глобального управления, мирового правительства. Хотя некоторые наши национал-патриоты убеждены, что такое правительство уже существует, они далеки от истины. На роль мирового правительства может претендовать реформируемая Организация Объединенных Наций с превращением ее Совета Безопасности в квазиправительство, а Генеральной Ассамблеи – в квазипарламент. Это лучший вариант для России, но с ним вряд ли согласятся крупнейшие мировые игроки, не желающие связывать себе руки позицией сотен гораздо более слабых государств. Можно ожидать попыток политического управления глобальным развитием со стороны либо одной гегемонистской державы (США), либо группы крупнейших держав, объединенных в НАТО или «большую семерку – восьмерку», трансформирующуюся в «девятку – десятку» и т.д. Подобная концепция уже активно реализуется на практике, но неизбежно будет встречать противодействие у тех государств, которые не принадлежат к клубу великих держав. Появятся и другие варианты. Мировая система, как мне представляется, будет колебаться между попытками однополярного доминирования и фактической многополярностью. Полагаю, что окончательный выбор модели глобального управления произойдет еще не скоро.

Вступив в XXI в., Россия вновь оказалась на распутье. Невооруженным взглядом видно, как в последние месяцы оживились дискуссии о цивилизационном выборе, о месте страны в современном мире и мире будущего.

Новый всплеск споров абсолютно объясним. Россия испытывает острейший кризис идентичности, на вопрос «кто мы?» можно услышать десятки взаимоисключающих ответов.

В силу исторической традиции и инерции, географии, но главным образом — из-за обладания мощным ядерным потенциалом, Россия принадлежит к клубу «великих держав», к современному «первому миру», куда входят также Северная Америка, Япония и ЕС. Внешние атрибуты этого налицо — членство в СБ ООН, «восьмерке», участие в саммитах ЕС.

По своему экономическому потенциалу Россия находится в нижней части «второго мира», к которому сейчас уместно отнести бросившиеся вдогонку за первым миром азиатские страны во главе с Китаем и Индией, а также некоторые латиноамериканские государства. По сравнению с ними мы обладаем рядом уникальных технологий и все еще лучшим уровнем образования. Но эти преимущества быстро исчезают. При заложенной траектории и темпах экономического развития, даже совершив рывок, Россия будет продолжать отставать от Запада. Несмотря на 8% экономического роста в прошлом году, мы по размерам ВВП еще на несколько сот миллиардов долларов отстали от США, где рост был порядка 3%.

По степени участия в информационной революции, в процессах интернационализации производства и капитала Россия находится далеко от лидеров второй группы — где-то на 50 месте, ближе к Третьему миру. Фактически эта революция пока проходит без нас. Неудовлетворенность все более периферийным влиянием в мире, синдром ущемленной национальной гордости разлиты в элите и населении. Никогда со времен татаро-монголов Россия объективно не была так относительно слаба по сравнению с другими ведущими центрами силы. В результате советского и постсоветского экспериментов мы отброшены к границам Ивана Грозного и к размеру экономики, сопоставимой с тайваньской. Выявляются нарастающие трудности с вписыванием в глобальные интеграционные процессы — и на Западе, и на Востоке. При этом какая-либо национальная идея, как и внятная идеология вообще, отсутствуют, а со стороны высшего руководства внутри страны и вовне поступает весьма противоречивая гамма сигналов.

Выбор парадигмы развития сейчас, как никогда, ответственен. Если раньше споры по этому поводу чаще всего носили философско-теоретический характер, то теперь от правильного выбора зависит, поднимется ли Россия, будет ли она в обозримом будущем существовать как государство. Боюсь, история не отвела нам право на еще одну ошибку или эксперимент.

Нынешний тур дискуссий пошел в общем и целом по традиционным российским линиям — западничество, евразийство, антизападничество. За каждым из этих течений, возникших не на пустом месте, стоят сотни фамилий великих предшественников, влияние которых на сегодняшний дискурс неоспоримо и неизбежно. Соответственно, предлагается три модели геостратегического выбора. Первая — Россия — западная страна. Вторая — Россия — самобытная и изолированная цивилизация. Третья — Россия — лидер антизападного мира.

Если вычленим квинтэссенцию подходов этих школ (по необходимости упрощая их аргументацию), то мы увидим, что у каждой есть своя правда. Но и своя мифология, обрекающая на постановку бесперспективных, непрактичных, а часто и откровенно опасных для страны задач. Следование прошлым схемам обрекает нас на инерцию мышления категориями XIX–XX вв., отдаст отсутствием воображения и непонимания сверхдинамичного мира XXI в., соотношения желаемого и реально возможного.

Начнем с нынешнего западничества. В свое время его суть хорошо сформулировал Андрей Козырев в бытность министром иностранных дел: «Ориентация на высокоразвитые демократические страны и вхождение в их клуб — именно и только в этот клуб — на равных, достойно, со своим собственным лицом («Московские Новости», 14.06.1992). Совсем недавно ту же задачу сформулировали Леонид Радзиховский в статье с красноречивым названием «Рваться на Запад» («Сегодня» 20.02.2001) и Игорь Малашенко в «Уолл-стрит джорнэл». Согласно этой логике в практическом плане мы должны признать тождественность национальных интересов России интересам Запада, подать заявку на членство в ЕС и НАТО, отказаться от противодействия расширению НАТО, поддержать американские планы создания системы НПРО, не реагировать на бомбардировки Ирака и другие акции против «государств-изгоев», свернуть с последними какие-либо контакты, поддерживать в СНГ прозападные силы. Иное — подростковые комплексы. Дилемма звучит так: «Мы можем встраиваться в Запад. Мы можем оставаться гордой и независимой помойкой Запада. Но третьего пути просто нет» (Радзиховский).

Правда западников: в привилегированном клубе действительно быть хорошо. Там деньги. Запад оседлал глобализацию: 80% финансовых и информационных потоков приходится на США, Евросоюз и Японию. На Западе – сила, которая сейчас измеряется факторами не столько военными (по которым мы тоже все дальше отстаем), но и в большей степени – экономическими, научно–техническими информационными и т.д. Нам действительно нужны ресурсы для модернизации, современные технологии, а конфронтация с Западом контрпродуктивна.

Но все же, вынужден заметить, западнический подход страдает упрощенчеством, нереалистичностью и непрактичностью. Он упрощает видение мира до некоей черно–белой картинки (кстати, очень привычной именно для западного сознания). Люди могут быть либо западными и прозападными, либо темными и антизападными. Полутонов нет. Между тем, например, больше половины человечества живет сейчас в Восточной Азии, на которую приходится также до половины мировой экономики. А очень многие вполне образованные люди, вовсе не испытывающие никаких комплексов против Запада, но хорошо с ним знакомые, его не идеализируют.

Главное, что ограничивает наше движение на Запад – это более четкое осознание того, что в клуб нас не примут. Во всяком случае, не при жизни моего поколения. Запад не подпускает Россию слишком близко. Россия не интегрируема в основные западные структуры (ЕС, НАТО) в обозримом будущем, даже если мы очень этого захотим. Постановка нереалистических целей – контрпродуктивна.

Признать чужие внешнеполитические интересы своими может только побежденная в войне и оккупированная страна, а Россия таковой не является.

Наши интересы по многим вопросам объективно не совпадают с западными. Так, мы не можем себе позволить повернуться спиной или, тем более, проводить конфронтационную политику в отношении Китая: в его северных провинциях живет 400 млн. человек, а через границу на нашем Дальнем Востоке – только 7 млн. русских. Запад объективно заинтересован в диверсификации маршрутов транспортировки каспийской нефти, а мы кровно заинтересованы в прохождении трубопровода через нашу территорию. Западу нужны низкие цены на нефть, нам высокие. И так далее.

У нас нет ни одной причины поддерживать расширение НАТО, поскольку оно объективно изолирует Россию, ослабляет ее роль в вопросах европейской безопасности.

У нас нет ни одной причины солидаризироваться с Соединенными Штатами в вопросе о развертывании НПРО. Это ведь не проблема только двусторонних отношений, она гораздо шире. Нарушение Договора по ПРО встречает возражения не из–за зловредного антиамериканизма, а из–за опасений, что может быть сломана вся система контроля над стратегическими вооружениями, спровоцировано резкое наращивание ядерного потенциала Китая и процесс распространения ядерного оружия в пороговых странах. Именно поэтому судьба Договора так важна не только для нас, но для всего мирового сообщества.

У нас нет ни одной причины считать несовершенным и не подлежащим исполнению действующее международное право, а значит закрывать глаза на «гуманитарные» или «рутинные» бомбардировки, осуществляемые в одностороннем порядке в обход СБ ООН.

Мы не можем отказаться от своих экономических интересов в тех странах, которые вызывают аллергию на Западе, поскольку не слишком богаты, и такой отказ и соответствующие финансовые потери никак не компенсируются возможными приобретениями в других местах. Одна российско–вьетнамская нефтяная компания даст больший доход, чем весь объем американской помощи. Кроме того, даже в странах–изгоях Запад блюдет свои нынешние и будущие экономические интересы куда лучше нас.

Мы просто не сможем стать как Запад и частью Запада к следующему четвергу, как к тому призывают российские западники.

И в этом правда российских антизападников и евразийцев. Но их подходы еще менее приемлемы для мира XXI века.

Антизападники в полном соответствии с канонами теории мирового заговора обвиняют Запад в целенаправленном развале России, которой ничего не остается, как возглавить борьбу остального человечества против глобализации, империализма и гегемонизма. Предлагается играть в стратегическую «многополярность», пытаться ограничить гегемонию США. Это предполагает дальнейшее сближение с Китаем, Индией, другими

странами медленно формирующейся азиатской группировки, государствами–изгоями, обострение отношений с Америкой, с Западной Европой, в геостратегическом смысле идущей в фарватере Соединенных Штатов.

Антизападники правы в том, что от глобализации действительно выигрывает «первый мир», нежели все остальные. Они правы, что мы не можем рассчитывать на благотворительность, и интересы России и Запада все больше по факту сталкиваются уже даже на территории СНГ.

Но все же антизападническая парадигма – самая непродуктивная, а предлагаемый в ее рамках курс – самый опасный.

Теория заговора, с эвристической точки зрения, представляется мне куда менее содержательной, чем, скажем, теория глупости. Пара–тройка не очень умных руководителей может сделать для ослабления и разрушения страны гораздо больше, чем вся мировая закулиса и вражеские спецслужбы вместе взятые.

Иллюзия, будто кто–то в антизападном лагере нуждается в нашем лидерстве, равно как нуждается в доказательстве самого существования такого лагеря. По своим возможностям Россия уступает и Китаю, и Индии, да и сами эти страны не настроены однозначно антизападно.

Курс на конфронтацию с наиболее развитыми странами – абсолютно бесперспективен. Мы можем создать для них гораздо меньше неприятности, чем они нам, подвешивая на финансовом долговом крючке, дестабилизируя ситуацию по российской периферии и внутри страны, ограничивая экспорт. Чрезмерно тесные контакты с «изгоями» и инстинктивный антиамериканизм нередко лишает нас большего, нежели дает. У России элементарно нет сил для глобальной конфронтации. Необходимо будет отвлекать и без того скудные ресурсы от целей внутреннего развития, плодя нищету.

Антизападничество способно только похоронить страну.

Наконец, евразийская (самобытная) парадигма, которая предполагает сосредоточение на собственном развитии; отношения с теми, кто сам хочет с нами дружить; модернизацию с опорой на собственные силы за счет усиления власти и мобилизации всех наличных ресурсов.

Правда евразийства в том, что мы действительно уникальная страна (как, впрочем, и многие другие), и недооценка этого обстоятельства – нашей исторической специфики, менталитета, геополитики – явилось одной из главных причин провалов 90–х годов. И когда Путин в своей книге «От первого лица» говорит о России как о стране не просто европейской, а западноевропейской культуры, у меня есть все основания сомневаться в его правоте.

Но все же евразийская (изоляционистская) парадигма обрекает Россию на исторически привычную стратегию догоняющего развития на собственной ресурсной базе. Даже теоретически, эта стратегия заведомо неэффективна с точки зрения возможности занятия ведущих позиций в современном мире. Учитывая накопленное отставание, качество человеческого потенциала, усталость большинства народа от коммунистического эксперимента и десятилетия реформ, вряд ли можно надеяться на быстрое развитие на собственной основе даже при дальнейшей консолидации исполнительной власти. Развиваться на собственной основе Россия может, но только очень медленно, стагнируя и все больше отставая от Запада. Наши ресурсы – нефть, газ, металлы, лес – самое дешевое из того, что продается в мире. Гораздо дешевле компьютерных программ, сложной техники и т.д. Мобилизационный вариант может привести к кратковременному улучшению, но дальше усугубит все существующие проблемы, отрежет Россию от мировых финансовых потоков и загубит нарождающуюся надежду – инициативность наиболее жизнеспособных слоев населения и, что самое неприятное – подрастающего поколения.

Расчеты на «чудодейственный рецепт» в экономике, на перескакивание через этапы развития беспредметны, отвлекают от задач систематического структурного реформирования экономики и общества. Они сродни традиционной деморализующей вере в чудо – в золотую рыбку или царевну–лягушку.

У российского евразийства есть одна печальная тенденция – трансформироваться в «азиопство», в апологию отсталости или даже варварства. Если мы будем тянуться к тем, кто сами тянутся к нам, то получим не самых перспективных партнеров, которым самим надо помогать. Евразийский рецепт, чем дальше, тем больше, будет подталкивать нас к антизападничеству со всеми вытекающими неприятными последствиями.

Возможен ли четвертый путь, выводящий нас за рамки старой трихотомии – западничества, еразийства и антизападничества?

Я полагаю, что, да, и называю эту, четвертую модель интеграционистской или стратегией вовлечения России в глоболизирующийся мир. Россия не станет Западом, но она не должна быть Антизападом или островом в мировом океане.

Россия должна сконцентрироваться на задачах национального возрождения, не допуская самоизоляции и конфронтационных элементов во внешней политике. Целью должна стать максимально возможная и реалистически достижимая интеграция в мировую экономику и качественный рывок на основе привлечения большого объема инвестиций и повышения конкурентоспособности на мировых рынках, поскольку шансов сделать такой рывок на собственной ресурсной основе у России нет.

Да, мы не можем ставить целью членство в ЕС и в НАТО как нереальную, а значит – контрпродуктивную. Но следует выходить на максимально возможный уровень сотрудничества со странами «первого мира» и закрепления в нем через членство в «большой восьмерке», возможное вступление в ОЭСР. Диалог с ЕС должен быть активизирован с резким усилением акцентов на экономическое сотрудничество, выходящее за традиционные рамки (газ, нефть, металл, лес). При этом уже сейчас нам не следовало бы отмахиваться от европейских правовых стандартов при выработке внутреннего законодательства там, где это не противоречит национальным интересам. Для сохранения позиций в вопросах безопасности неизбежен диалог с НАТО, хотя у России нет ни одной причины поддерживать ее расширение. И мы не будем приветствовать натовские военные интервенции, не санкционированные с нашим участием в Совете Безопасности ООН.

Мы можем и должны сотрудничать с Западом там, где это возможно и наши интересы совпадают, работая над совместной позитивной повесткой дня, которая уже сейчас могла бы включать в себя вопросы нераспространения ОМП, угрозы талибов и исламского экстремизма в целом, объединения Кореи, ближневосточного урегулирования, энергетической безопасности в свете ожидаемого многими экспертами через 10 лет мирового энергетического кризиса и многое другое. Даже на Балканах, как показала недавняя встреча контактной группы, у нас с Западом сейчас больше точек соприкосновения, чем разногласий.

Обязательным условием встраивания России в глоболизирующуюся экономику, выхода на внешние рынки является скорейшее обретение членства в ВТО, что Путин уже провозгласил в своем послании Федеральному Собранию важнейшей национальной задачей на ближайшие два года. Инвестиции, как отечественные, так и зарубежные, будут невозможны без обеспечения гарантий безопасности бизнеса, минимизации политических и социальных рисков, создания нормальной правовой сферы и действенной судебной системы, устранения вопиющей коррупции, решения вопросов собственности на землю, реформирования банковской системы, улучшения корпоративного менеджмента, развития инфраструктуры, перекрытия каналов отмывания денег, улучшения международного имиджа России.

Демократические основы государственного устройства должны быть сохранены и развиты. Нарращивание потенциала институтов гражданского общества, негосударственного сектора, играющих все более существенную роль в процессах глобализации и во многом определяющих влияние отдельных государств в современном мире – императив времени.

При этом России вовсе не надо отказываться от имеющихся союзников – их у нас, к сожалению, и так мало, а новые на горизонте не видны. Нам следует укреплять отношения с азиатскими гигантами, как бы косо не смотрели на это за океаном, поскольку более перспективных растущих рынков в ближайшие годы или даже десятилетия России не найти.

Ясно, что «одномерная» держава, которой является Россия, не может позволить себе ослабление ядерного фактора в своей политике, особенно, учитывая растущую непредсказуемость и нестабильность международных отношений. Необходимо модернизировать обычные силы, но без ядерного потенциала, хотя бы и менее огромного, чем сейчас, они не помогут.

Государство само должно меняться, чтобы не потерять конкурентоспособность в глоболизирующемся мире XXI в. Глобализация предъявляет повышенные требования к компетенции государственного управления, качеству политического класса и интеллектуальной элиты. Здесь предстоит преодолеть очень большое отставание,

чтобы сохранить возможность разговаривать на одном профессиональном языке с элитами стран «первого мира». Его вызовы можно осилить только в рамках дисциплинированно и компетентно проводящейся государственной политики, повышения эффективности и чистоты всего управления, обеспечивающего тесную координацию внутренних и внешних усилий власти, негосударственных общественных и предпринимательских структур во благо страны.

Судьба России в XXI в. зависит от того, сможем ли мы войти в число стран, на долю которых выпадут функции головного мозга человечества, или тех, которым уготована роль других частей тела. Не совершив экономического рывок и не вступив в качестве полноправного и сильного игрока в глобализирующийся мир, Россия отстанет навсегда. Наша политика должна строиться на примате национальных интересов и приоритетности решения внутренних проблем; предельной экономизации международной деятельности, без чего экономическое возрождение будет долгим и мучительным: подчеркнутым прагматизме, исключая исторические симпатии и антипатии, предполагающем постановку таких внешнеполитических задач, с которыми страна реально может справиться.

У нас есть все возможности стать уважаемой и уважающей себя страной, обеспечивающей людям достойную жизнь и сохраняющей достоинство, живущей в мире с собой и с остальным миром.